

ЕВГЕНИЙ ЦЫПАНОВ (Сыктывкар)

ПРОТОПЕРМСКАЯ СИСТЕМА ПРИЧАСТИЙ И ЛИНИИ ЕЕ РАЗВИТИЯ

0. Несмотря на множество трудов по истории отдельных пермских языков представление о развитии и стратиграфии различных уровней общепермского праязыка (предка современных пермских языков) остается неполным. Понятие «прапермская реконструкция» относилось до сих пор в основном к исторической фонетике и этимологии, в этих областях достигнут большой прогресс (Uotila 1933; Лыткин 1964; Harms 1967; Вийтсо 1985; Molnár 1974; Лыткин, Гуляев 1970). Однако прапермская реконструкция грамматических и синтаксических структур — все еще «белое пятно» в историческом изучении пермской группы языков. К примеру, в праславянской реконструкции в областях словообразования, морфологии и синтаксиса достигнуты гораздо большие результаты (см. Бирнбаум 1987).

Перспективы подобных реконструкций в прапермском срезе очевидны не только как вклад в собственно пермскую лингвистику, но и для диахронной уралистики в целом. Не секрет, что до сих пор довольно остро стоят вопросы взаимоотношений пермских и волжских (марийского) языков, пермских и угорских языков в ходе дивергенции финно-угорских языков. Промежуточные реконструкции (в данном случае прапермские, праугорские, прамарийские) могут стать основой для более глубоких реконструкций. Ведь разработка картины глоттогенеза этноса (в конкретном случае пермян) определяется «пространственной стратификацией языка в период его возникновения и становления, а также реконструкцией предшествующего ему языкового состояния» (Мартынов 1983 : 4).

Попытаемся на материале одной лексико-грамматической группы — причастий — представить их прапермскую реконструкцию и определить линии их развития в современных пермских языках. В строгом смысле относительно удмуртского языка выводы будут скорее спекулятивными, но, принимая во внимание мнение П. Хайду о почти полном совпадении сложных систем глагольных имен в этих пермских языках (1985 : 50), полагаем, что основные положения *mutatis mutandis* приемлемы и для современного удмуртского языка.

1. Вначале целесообразно определить отличительные типологические свойства причастий пермских языков в ряду партиципов остальных финно-угорских языков.

Причастия пермских языков отличает их формальная идентичность с отглагольными именами существительными, что приводило или к объединению их в отдельный класс *Verbalnomina* (Wiedemann 1884 : 167—169; Wichmann 1942 : 374—375; 381; 392), или к признанию их

категориально не дифференцированными образованиями (СКЯ 127, 155). Подробно не обсуждая этот вопрос, отметим, что синхронная омонимия типа коми *ва усъом* 'падение воды' и *усъом лым* 'выпавший снег' объясняется исторически тем, что имена и причастия развивались из единых источников. Омонимия суффиксов говорит о более древней стадии дифференциации имен и причастий в коми языке (Керт 1970 : 76). Однако если в прапермском языке такое совпадение формантов было полным, то в современных языках лексико-грамматическая омонимия в ряде случаев преодолена, например, в удмуртском языке *н-овые* образования развили суффиксы *-он* (*ён*), *-н* (имена) и *-но* (*-оно*, *-ёно*) причастия (ГСУЯ 264), однако формально совпадают имена и причастия на *-сь* (*-ись*, *-йсь*) и на *-м* (*-ем*, *-эм*). В коми-пермяцком языке имена и причастия на *-ом* различаются просодически, *кётъм* прич. от *кётны*; ~ *нянь* 'замешанное тесто'; *кётъм* и т. д. от *кётны* (КПРС 195). Наиболее последовательно лексическо-грамматическая омонимия имен и причастий представлена в современном коми-зырянском языке. На синхронном уровне это явление квалифицируется как формальное совпадение морфов при отнесении их к различным морфемам (подробнее см.: Цыпанов 1988 : 17—18), т. е. как случаи грамматической омонимии.

Типологические сходства пермских и причастий остальных финно-угорских языков определены в работах Х. Рятсепа (Rätsep 1954) и Б. А. Серебренникова (1964). Однако при том, что у причастий финно-угорских языков есть много формально-этимологических сходств (общность источников развития), конкретно по языкам они имеют большую разницу в характере оппозиций в системе партиципов, а также в семантической структуре отдельных причастий. Основной особенностью пермских причастий, идущей от финно-угорской праязыковой ситуации, является залоговая формальная недифференциация основных причастных форм на **-nV*, **-mV*. Эта важная особенность хорошо видна при сопоставлении с причастиями прибалтийско-финских языков по залогово-временному принципу, что сближает их с системой причастий русского языка (Бубрих 1955 : 80).

Пермские (коми)	Эстонские	Русские
<i>лыддъян морт</i>	<i>lugev inimene</i>	читающий человек
<i>лыддъян небöг</i>	<i>loetav raamat</i>	прочитанная книга
<i>велöдчöм морт</i>	<i>õppinud inimene</i>	обучившийся человек
<i>велöдöм тема</i>	<i>õpitud teema</i>	выученная тема

С другой стороны, основные пермские причастия настоящего времени на *-n* и прошедшего времени на *-m* с точки зрения их семантической структуры типологически близки к причастиям саамского и обско-угорских языков. Примеры: саамское причастие на *-ma* в лов. *juđma olte* 'пивший человек' (действительное значение); нок. *šiltma kille* 'выловленная рыба' (страдательное значение) (Керт 1971 : 204); в обско-угорских языках *m-овые* причастия бывают в активном значении — манс. *tinät* и *wäärät* (Collinder 1965 : 113).

Естественно, подобная семантическая структура у современных причастий на *-ан*, *-ана* в коми языках говорит об архаичности причастной системы коми и удмуртского языков, которая, несомненно, существовала уже в прапермском языке.

2. Основным материалом для реконструкции прапермской системы причастий служат современные языки, более древние памятники коми письменности (XIV—XVII вв.) не дают полной картины функционирования причастий из-за малого объема текстов. Большую ценность пред-

ставляет диалектный и фольклорный материал. Определение современного состава причастий и выявление их значений станет основой диахронных исследований, базисом для дальнейших реконструкций. В этом вопросе придерживаемся постулата, сформулированного Ю. С. Степановым: «ось одновременности (синхрония) не противопоставлена оси времени (диахронии). Описание глубинной структуры отношений между наличными элементами системы языка является одновременно первым этапом реконструкции ее прошлого состояния» (1975 : 303).

Современная система причастий коми языка состоит из следующих форм:

1) *-ысь*: активные причастия настоящего времени, напр., *шойччысь зон* 'отдыхающий парень';

2) *-ан*: активно-пассивное причастие настоящего времени, напр., *ошалан кымөръяс* 'висящие тучи'; *тэчан пес чипас* 'складываемая поленица';

3) *-ана*: синонимичное причастие с общевременным значением, напр., *шемөсмө дана чөв-лөнь* 'удивляющая тишина';

4) *-өм*: активно-пассивное причастие прошедшего времени, напр., *воөм юөръяс* 'поступившие новости'; *көдзөм му* 'засеянное поле';

5) *-өма*: синонимичное с вышеприведенным причастие прошедшего времени, напр., *мудзөма морт* 'уставший человек';

6) *-төм*: отрицательное активно-пассивное причастие, напр., *виччысьтөм юөр* 'неожиданная новость', *кыйтөм пөтка* 'непойманная дичь';

7) *-мөн*: аналогично удмуртским образованиям на *-мон* употребляются атрибутивно, напр., *өччыд лонтымөн пэс* 'дрова на одну топку' (ПСД 157). Традиционно в коми языке выделены лишь деепричастия с этим формантом (СКЯ 246; Суханова 1954 : 20), в одной работе они определены в атрибутивном употреблении как причастия (Цыпанов 1985 : 187). По мнению Т.-Р. Вейтсо, это типичные герундивы (1987 : 234), выполняющие функции определения и обстоятельства, своеобразный вид инфинитных глагольных форм.

Система причастий удмуртского языка, по нормативной грамматике, состоит из пяти форм (ГСУЯ 260—269), по В. И. Алатыреву — из семи (1983 : 584). Противоречиво толкуются отрицательные формы причастий: в грамматике суффиксы *-тэм* и *-мтэ* считаются формообразовательными элементами, модифицирующими семантику положительных причастий на отрицательную, напр., *сюлмааськисьтэм мурт* 'незаботящийся человек', *лыдзымтэ выжакыл* 'непрочитанная сказка', *люконтэм эшъёс* 'неразлучные друзья' (ГСУЯ 261, 263, 264). В. И. Алатырев считает самостоятельными отрицательными причастиями образования с *-мтэ*, напр., *арамтэ чабэй* 'несжатая пшеница', и с *-онтэм*, *-нтэм*, напр., *погрантэм юбо* 'устойчивый (такой, что не упадет) столб' (1983 : 584), хотя и не выделяет самостоятельно формы на *-исьтэм*. С другой стороны, Т. И. Тепляшина отмечает, что в удмуртском языке каритивный суффикс образует причастие на *-тэм* и служит формой отрицания причастий на *-сь*, *-ись*, *-йсь* и *-мон*, выделяет также самостоятельные отрицательные причастия на *-мтэ*: *кизьымтэ му* 'не засеянное поле' (ОФУЯ III 190). Здесь акцептируется трактовка причастий в грамматике 1962 г.

За основу дальнейшей реконструкции принимаются следующие удмуртские причастия:

1) *-сь* (*-ись*, *-йсь*): активные причастия, напр., *бызись шур* 'текущая река', отрицательные формы с суффиксом *-исьтэм*;

2) *-м* (*-ем*, *-эм*): причастия прошедшего времени, напр., *кымам*

пыжъёс 'опрокинутые лодки', отрицательные формы с суффиксом *-мтэ*;
3) *-но* (*-оно*, *-ёно*): пассивные причастия, напр., *кизёно кидысэз* 'семена, предназначенные для сева', отрицательные формы с суффиксом *-онтэм*;

4) *-мон*: *лы дзымон верос* 'рассказ, заслуживающий чтения';

5) *-мын* (*-емын*, *-эмын*): результативные причастия, выполняют предикативную роль, напр., *мыйыкжъёсыз но пурьсытамын* 'усы его поседали', отрицательные формы с суффиксом *-мтэ*;

6) в кукморском диалекте В. К. Кельмаков выделил специфические причастия на *-(i)ške: šuna-ške lotə* 'снег, готовый растаять', *kən-miške vi* 'вода, готовая замерзнуть' (Кельмаков 1969 : 406). Однако последние два вида из-за отсутствия коми корреспондентов в дальнейшем не рассматриваются.

3. Все представленные пермские форманты восходят к прафинно-угорским суффиксам отглагольных имен **-š*, **-n*, **-m* и прафинно-пермскому каритивному суффиксу **-temV*. Общепринято, что современные инфинитивы, причастия и деепричастия финно-угорских языков развились из праязыковых отглагольных имен, причем исследователи приводят ряд древнеуральских суффиксов (Budenz 1884 : 177—180; Setälä 1887 : 173—174; Szinyei 1922 : 77; Ravila 1945 : 148—158; Györke 1935 : 25—50, 65; Lehtisalo 1936 : 198—228; Collinder 1960 : 260—277; Collinder 1964 : 110—115). Х. Рятсеп реконструирует девять древних финно-угорских суффиксов отглагольных имен: **-j*, **-k*, **-m*, **-n*, **-ŋ*, **-p*, **-š*, **-t*, **-u* (Rätsep 1954 : 431).

Обосновывая точку зрения, согласно которой инфинитивные глагольные формы сформировались после распада финно-угорского языка-основы, обычно не реконструируются праязыковые системы инфинитивов, причастий, деепричастий. Наиболее общепринята в упомянутых работах лишь формальная, формантная реконструкция отглагольных имен с указанием их праязыковой полифункциональности. Только Ю. Янхунен реконструирует прафинно-угорские инфинитивные глагольные формы (7 образований), где, например, пермским *š*-овым и *m*-овым причастиям соответствуют формы с *-та* 'действие, законченное действие', *-šä*, *-šä* 'действие, действитель, законченное действие' (Janhunen 1982 : 33—34). Но уже тогда отглагольные имена могли использоваться независимо («субстантивно» как подлежащие, дополнения, глагольные предикаты), адноминально («адъективно» как атрибуты) и адвербиально (в функции современных деепричастий). Интересна точка зрения П. Хайду, не выделяющего в праязыке особый класс глагольных имен, которые в зависимости от синтаксической позиции функционировали то как представители имен, то как представители глаголов (1985 : 227).

Это положение безоговорочно относится к протопермской стратиграфии, где омонимичные форманты уже оформляли релевантные отглагольные имена и причастия. Исходя из приведенных теоретических положений и опираясь на материал современных пермских языков, можно сделать вывод, что в окончательном виде причастия и отглагольные существительные с омонимичными формантами выделились в общепермском праязыке.

4. В системной реконструкции протопермских причастий необходимо представить фонологическое развитие формантов и, что очень важно — определить функциональную модель причастий в оппозиционных взаимосвязях, которая бы логично вытекала из материала современных пермских языков.

Прапермский язык предположительно существовал в период с середины II тыс. до н. э. до VIII века н. э. (ОФУЯ 38; Хайду 1985 : 199).

Естественно, языковая реальность не была статичной, постоянно менялась. Поэтому, вероятно, целесообразно представлять отдельно реконструкции раннего протопермского и позднего протопермского периодов. За основные фонологические изменения в протопермский период и индикаторный фактор можно принять явление отпадения конечных гласных суффиксов, «которое происходило в жизни отдельных праязыков (прапермский, прамарийский)» (Лыткин 1974 : 202). В раннепермский период фонотактика причастных суффиксов была CV, где смысловую нагрузку нес согласный, а гласный служил лишь огласовкой (Лыткин 1975 : 55). Затем конечный гласный суффикса отпал, конечный гласный основы перешел в состав форманта: $*-šV > *-iś$; $*-nV > *-an$; $*-mV > *-em$. Подобное явление экстенсии, расширения суффиксов, широко распространено в истории финно-угорских языков, в венгерском, хантыйском, марийском языках (Tauli 1956 : 212—214). Поэтому вариант с конечным гласным можно считать репрезентатором раннепермского периода, вариант без конечного гласного может представлять позднепермский период. В отношении грамматических реконструкций такое разделение может быть ориентиром для гипотетических системных перестроений, изменений в грамматических оппозициях форм, семантической структуры, синтаксической дистрибуции.

Хронологическое разделение этих двух периодов предпринял при исследовании истории конечных гласных пермских языков Ф. Мольнар, который подразделил протопермский период на раннепротопермский с 1500-х гг. до н. э. по VIII в. до н. э. и на позднепротопермский с VIII в. до н. э. по VIII в. н. э. (Molnár 1974 : 35, 77; 1978 : 45). В основу I периода он положил проникновение индоиранских (арийских) и протоиранских заимствований, в основу II — время после проникновения древнеиранских заимствований, контакты с булгарами с 850-х годов н. э. до разделения протопермского на самостоятельные языки в VIII—IX вв. н. э. Эти же хронологические рамки можно допустить и при реконструкции грамматических структур.

Несмотря на кажущуюся простоту возведения к протопермской, системы причастий в современных пермских языках, имея много общего, различны. Современные языки различаются по выражению отрицания действия: в коми языке оформилась отдельная группа отрицательных причастий (*кы взысьтӧм пи* 'непослушный сын', *куравтӧм кӧйдыс* 'несобранные семена'), в удмуртском они образуются с помощью суффикса *-тэм* (*бы дестонтэм уж* 'такая работа, что не завершится'). Удмуртские причастия на *-он* (*-оно*, *-ёно*) отличаются по семантике от современных коми причастий настоящего времени на *-ан*, *-ана*, исключительно редко употребляются коми причастия на *-мӧн* в отличие от удмуртских соответствующих форм на *-мон* и т. д. Это затрудняет реконструкцию.

Основным противопоставлением причастий пермских языков было и остается временное, что идет уже от более древних периодов развития языка (Rätsep 1954 : 465). Исходя из этого, основными причастными формами являются **n*-овые, **m*-овые и **š*-овые партиципы; формы с **-теш* имеют выраженное модальное значение и не стоят в одном ряду с перечисленными. Наш анализ материала позволяет усомниться в правильности распространенного мнения об исконности активных причастий настоящего времени с суффиксом $*-šV/iś$, прямо возводимых к прафинно-угорским причастиям (Серебренников 1963 : 294—295; 1964 : 172—174). Вполне вероятно, что эти по семантической структуре не характерные партиципы в ряду более архаичных активно-пассивных причастий переосмыслились в активные относительно позднее. Представим предполагаемые прапермские системы партиципов в

двух вариантах, отражающих два этапа развития протопермского языка-предка. Схема передает как фонематический облик формантов, так и общие функционально-семантические оппозиции системы причастий.

а) настоящее время прошедшее время
 *-nV *-mV *-mεnV ?

Активно-пассивные причастия (не дифференцированные формально в залоговом отношении).

Учитывая, что образования на *-mεnV по грамматической семантике стоят в стороне от базовых причастий на *-n и *-m, считаем эти два образования исконными и основными. Система из двух базовых партиципов была проста и стройна, выражала действие с различными временными планами, с *-nV образовывались причастия настоящего времени (незаконченное действие), а с *-mV — прошедшего (законченное действие). Обе формы выражали действие как действительное (активное), так и страдательное (пассивное), имели два инвариантных значения.

б) настоящее время		прошедшее время		
*-iś		*-an	*-εm	*-mεn ? *-tεm ?
Активные	Активно-пассивные причастия			

Предположительно, в позднепермский период прапермское имя действителя (nomen agentis) на *-iś начало широко употребляться в функции определения и путем расширения синтаксической дистрибуции трансформировалось в причастие. Трудно определить, как образовывались в протопермский период отрицательные формы партиципов, поскольку, что уже отмечалось, современные пермские языки представляют разнохарактерные модели их образования. Х. Рятсеп выделил два типа образования отрицательных инфинитных форм в финно-угорских языках: 1) к основе глагола присоединяется окончание абессива, 2) к признаку инфинитной глагольной формы присоединяется окончание абессива (Rätsep 1954 : 431). Как показывает материал, в пермских языках идет образование по обоим типам. Возможно, вариативность была уже в праязыковой период, хотя точных свидетельств этого нет. Однако в коми языке обнаружены некоторые случаи образования отрицательных форм причастий, аналогичные с соответствующим удмуртским материалом. Примеры: *tödalantöm* 'unbekannt' (SDW 345), *viśantöm, viśöntöm* 'gesund' (SDW 414), в одном из переводов Евангелия от Луки И. А. Куратова — *unaen (nin) pondisniñ leśedalniñ istorijajas, miñ jiliś mijan kostiñ abu tedemtem* (Bartens 1984 : 37) 'многие начали составлять истории, о которых среди нас известно (букв. нет неизвестного)'. Фонетически в тот период происходило выравнивание гласных суффиксов. Суффиксы с наращением коми -a, удм. -o, вероятно, возникли уже в период самостоятельного существования языков. Так, коми -ana впервые в связном тексте зафиксирован в текстах Ю. Вихманна, в грамматиках коми языка XIX в. он не отмечен. Коми -ema выделен в древнекоми языке (Лыткин 1952 : 116), а также рядом исследователей XIX в. (Castrén 1844 : 80—81; Куратов 1939 : 37 и др.). Удмуртского соответствия у него нет, это результат собственно коми развития.

Можно предположить, что уже к концу общепермского праязыкового периода конкретные языковые структуры заметно различались в северной и южной праязыковых зонах, на основе которых позднее выделились самостоятельные языки.

5. При определении основных изменений в структуре и функционировании причастий можно исходить лишь из анализа современных язы-

ков. При сопоставлениях с удмуртским языком автор опирался на нормативные грамматики и исследования Л. И. Калининой. Для представления о тенденциях изменений в системе причастий коми языка и об их употребляемости ценную информацию дают количественные данные. Подсчет осуществлялся по материалам нормативного «Коми-русского словаря» 1961 г. и художественных текстов 1920—1930-х и 1970—1980-х годов в одинаковых объемах — 40 000 словоупотреблений. Количественное изменение пропорции в употреблении причастий в прозе 1920—1930-х и 1970—1980-х годов позволяет выявить линии изменений в современном коми литературном языке. Несмотря на кажущуюся стабильность рассматриваемого языкового явления, процентное соотношение употребительности причастий в диахронии меняется.

Наиболее общей тенденцией в дистрибуции является учащение бытования причастий — в прозе 1970—1980-х годов в среднем по сравнению с прозой 1920—1930-х годов в 2 раза. Процентное соотношение разных форм партиципов непропорционально, оно варьирует, причем в словаре и литературных текстах неодинаково.

	Коми-русский словарь, Москва 1961	Проза 1920— 1930-х годов (средние данные)	Проза 1970— 1980-х годов (средние дан- ные)
-ысь	27 %	21,7%	28,1%
-ан	7,5%	24 %	11,6%
-ана			
-ӧм	58 %	46,3%	54,6%
-ӧма			
-тӧм	7,5%	8 %	5,6%

По удмуртскому материалу подобных сопоставительных данных нет. Для выявления процентного соотношения употребительности причастий сделан подсчет по сборникам «Образцы удмуртской речи» (1981) и «Удмуртский фольклор» (1987). При сопоставлении с коми материалом из подсчета исключены причастия на *-мон* и *-мын*.

Естественно, данные по удмуртским причастиям не претендуют на исключительную точность, однако приблизительная количественная дистрибуция причастий современных языков может быть выявлена.

Образцы удмуртской речи Удмуртский фольклор

-сь (-ись, -йсь), -исьтэм	34%	28%
-но(-оно, -ёно), -онтэм	27%	8%
-м (-ем, -эм), -мтэ	39%	64%

Объективнее представляются результаты подсчета по сборнику прозаических форм фольклора «Удмуртский фольклор» из-за большего объема текстов. Но даже и они показывают, что наиболее популярны в современных пермских языках причастия прошедшего времени с коми *-ӧм*, *-ӧма*, удм. *-м* (*-ем*, *-эм*) и активные причастия настоящего времени с коми *-ысь*, удм. *-ись* (равно закономерно для обоих языков). *н*-овые причастия, наоборот, малоупотребительны. Однако было бы наивным, на наш взгляд, сводить подобное соотношение к праязыковой

стратиграфии, хотя бы в силу динамичности языковых структур. Причастия на *-ан*, *-ана* в коми языке имеют явную тенденцию к редукции в употребительности и к адъективации, например, в литературных прозаических текстах их наличие сократилось с 24 (20—30-е годы) до 11,6% (70—80-е годы), а у некоторых современных авторов они почти не встречаются. Применяя метод экстраполяции, можно предположить, что эта тенденция присуща и удмуртскому языку, в целом же бытование разных видов причастий было более равномерным.

Бесспорно прапермскими причастиями являются формы на **-šV*, **-nV*, **-mV* и отрицательные причастные образования.

6.1. В пермских языках имеются очень похожие причастия настоящего времени с суффиксами удм. *-ись*, *-йсь*, коми *-ысь*, которые передают активное действие, исходящее от субъекта действия, выраженного определяемым словом, напр., коми *Нывбаба вештыштис сьёл асьысь чайниксё плита шёрысь бокөджык* (КН 132) 'Женщина отодвинула выкипающий (букв. плюющийся) чайник с середины плиты в сторону'; удм. *Гур вылын пукись мурт трос тодоз (шую)* 'Сидящий на печи много знает (говорят)' (УФ 29). В исследованиях выделяется относительное настоящее время у активных причастий (Калинина 1975 : 59—60; Цыпанов 1984 : 293). В сопоставительном плане они почти полностью семантически эквивалентны русским действительным причастиям настоящего времени на *-ущ* (*-ющ*). В удмуртском языке это причастие наряду с функцией определения выполняет функцию составного сказуемого: *Чанак соку кин де дораз ик вазись луиз* 'В эту минуту кто-то рядом с ним заговорил' (Калинина 1973 : 114). Дистрибуция причастий в современных пермских языках может полностью и не совпадать в силу разных причин, в том числе и из-за влияния соседних неродственных языков. Однако исторически они несомненно едины.

В исторических грамматиках эти прапермские причастия, а вернее суффиксы удм. *-ись* (*-йсь*) и коми *-ысь*, прямо возводятся к прафинно-угорским источникам и сопоставляются с параллелями в родственных языках (Серебренников 1963 : 294—295; 1964 : 172—173). Однако при этом остается нераскрытым такой важный вопрос, как время возникновения этих причастий. Лишь Х. Рятсеп отмечает, что окончательное сложение *š*-овых причастий в пермских и марийском языках произошло отдельно в обеих группах языков (Rätsep 1954 : 468). В силу ряда обстоятельств можно говорить о причастиях на **-iš* как вторичных, более поздних, чем причастия на **-an* и **-em* в прапермском языке. С учетом того, что они в современных пермских языках занимают второе место по употребительности, можно предположить их переосмысление в самостоятельные причастные формы в позднепермский период. Основой такого переосмысления явилось расширение синтаксической дистрибуции отглагольных имен действителя в функции атрибута. На это указывает ряд факторов.

6.1.1. В пермских языках существует определенная трудность при семантическом разграничении вне контекстуальных условий активных причастий и имен действителя. Скажем, в коми языке имена на *-ысь* в значении *poen agentis* обладают большой глагольностью, продуктивно управляют зависимыми распространителями. Как отмечает Г. В. Федюнева, категориальная отнесенность формы определима лишь в контексте (1985 : 71). Пример: *Ме тэнö кучкалысь лола на* (ЮГ I 16) 'Я тебя еще побью, я буду еще тебя бьющим'. В сопоставительном плане, например, с русским языком, коми именам действителя соответствуют действительные причастия на *-ущ* (*-ющ*), в данном случае 'бьющий'. От этой группы имен развилось значение *poen actōis*: *лысьтысьысь* 'доярка, дояр', *кылөдчысь* 'сплавщик', *веськөдлысьöс*

вежысь 'заместитель начальника'. В пермистике широко распространена точка зрения о том, что имена действителя на *-йсь, -ысь* сами исторически возникли путем субстантивации активных причастий на *-ысь* (КРС 898; Бубрих 1949 : 130; Серебренников 1963 : 156; Основы III 150). Выдвижению именно такого исторического объяснения вполне могла содействовать традиция русской грамматики, где, как известно, существительные со значением 'человек по роду действий, занятий' типа *командующий, управляющий* действительно исторически являются субстантивированными действительными причастиями настоящего времени.

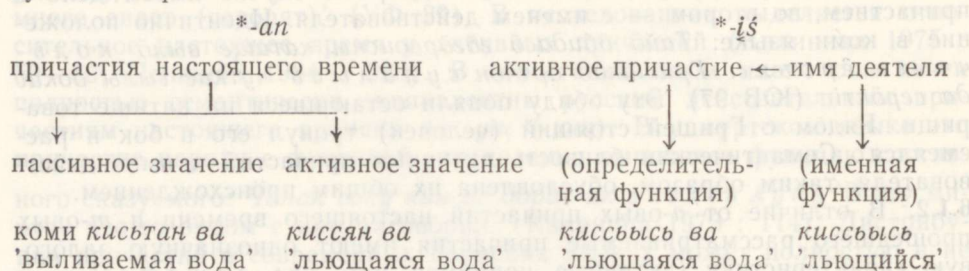
Однако теоретически вполне допустим и обратный процесс: имя действителя → активное причастие, так как формально причастие и существительные на *-йсь, -ысь* различаются в текстах лишь наличием / отсутствием определяемого слова, например, удм. *Нуись адями жаде* 'Несущий (человек) устает'; *Мынйсь гурезь вамын но орточоз сылись — гуэ усёз* 'Идущий и гору одолеет, стоящий на месте — в яму свалится' (УФ 15). В первом случае имеем дело с причастием, во втором — с именем действителя. Идентично положение в коми языке: *Тайё обидасё гёгөрвоисны катище вылö коль ччысь ёртъяс*. *Гришакöд орччон су лалысь чуткис сылы бокас да серöктис* (ЮВ 97) 'Эту обиду поняли остающиеся на катище товарищи. Рядом с Гришей стоящий (человек) тронул его в бок и рассмеялся'. Семантическая близость активных причастий и имен действителя, таким образом, обусловлена их общим происхождением.

6.1.2. В отличие от *n*-овых причастий настоящего времени и *m*-овых прошедшего рассматриваемые причастия имеют однозначную залоговую характеристику (активные, например, удм. *вал вошъясь мурт* 'человек, меняющий лошадей' (УФ 74), коми *варкйысь пöрт* 'булькающий котел'). Эта интересная особенность отличает их от остальных общих для коми и удмуртского языков причастий, которые сохраняют более архаические особенности — залоговую, формально не выраженную недифференцированность, коми *утчан пон* 'лающая собака', *арта лан лыдпасъяс* 'подсчитываемые числа', удм. *йы ром адями* 'заблудившийся человек' (активное значение), *ас ужам нянь* 'самим собой заработанный хлеб' (пассивное значение) (УФ 12, 16). Вопрос о причинах такого расхождения семантических структур различных причастных форм еще не ставился. Однако если допустить выдвинутую точку зрения о развитии активных причастий в пермских языках от имен действителя со значением *poten agentis*, то сложившееся расхождение становится вполне объяснимым исторически.

6.1.3. В пользу такого исторического толкования говорят и факты аналогичного развития активных причастий в родственных финно-угорских языках — марийском, мордовских и прибалтийско-финских. Так, по мнению И. С. Галкина, марийские активные причастия с суффиксом *-ше* (*-шо, -шö*), например, *малыше* 'спящий, спавший', *толшо* 'приходящий, пришедший', в древнемарийском языке употреблялись как имена действителя, а впоследствии в результате расширения синтаксических функций превратились в причастия (Галкин 1964 : 163—164). В прибалтийско-финских языках между причастиями на *-р* и *-j* происходит конкуренция, причастия на *-j* в древности выполняли иную функцию, обозначали имена деятеля, затем в позиции определения переосмыслились в причастие в период прибалтийско-финского праязыка (Rätsep 1954 : 466). Например, в водском языке П. Аристэ отмечает эти формы как причастия: *лаило je poike* 'поющий мальчик', *autoje kana* 'наседка' (Ariste 1968 : 79). В мордовских языках причастия с суффиксом *-иц'а* (*-иц'а*) также возникли от имен деятеля

типа *сокиця* 'пахарь', которые стали причастиями в определительной конструкции *сокиця тейтерь* 'пашущая девушка' (Ледяйкина 1980 : 29—30). Таким образом, типологически схожие пути развития активных причастий в родственных языках дают возможность сходного объяснения и для пермских причастий. К тому же марийский материал имеет и этимологическое, и функциональное единство с пермскими активными причастиями на *-йсь, -ысь*.

6.1.4. На вторичность активных причастий с элементом **š* может указывать и то, что в прапермской системе причастий уже была возможность выражения содержания действительных причастий. Речь идет об активных значениях причастий настоящего времени на **-an*, которые представлены и в современных языках: удм. *та гурезё интые лыктоно экспедиция* 'экспедиция, которая должна прибыть в эту гористую местность' (ГСУЯ 265), коми *ёпкан съёлём* 'стучащее сердце'. Исходя из особенностей более архаичной семантической структуры *n*-овых причастий путь совпадения значений можно представить следующим образом:

Исторически, возможно, совпадение активного значения причастий настоящего времени на **-an* и значения активизировавшихся причастий на **-iš* произошло в протопермский период — время возникновения грамматической синонимии. Естественно полагать, что изначально вряд ли могло существовать подобное наложение ролей. Более подробно о последствиях подобного соствязания разных грамматических образований можно говорить применительно к характеристике пермских причастий настоящего времени с суффиксами коми *-ан, -ана*, удм. *-он (-оно)*.

6.2. В коми грамматиках выделены лишь причастия с суффиксом *-ан* (СКЯ 242; КПЯ 222), образования на *-ана* обычно считаются отрицательными адъективами (Бубрих 1949 : 133; Stipa 1960 : 68; Серебренников 1963 : 298; Lehtisalo 1936 : 127; Rätsep 1954 : 486). В силу формальных различий формантов и из-за многих случаев преобладания глагольных характеристик формы с *-ана* и *-ан* здесь квалифицируются как синонимичные причастия. В удмуртской грамматике выделяются варианты суффикса *-но (-оно, -ёно)* (ГСУЯ 264).

В синхронных исследованиях бросается в глаза большое разнообразие значений этих причастий. Так, в ПСД выделены активное значение — *л'эган пин'* 'шатающийся зуб', а также не совсем характерное для причастий 'предназначенный для такого-то действия' — *мыс'с'ан майтёг* 'туалетное мыло' (букв. 'мыло для умывания'), а также 'место' и 'время действия' — *мунан лун* 'день отъезда' (ПСД 155). Подобное содержание связывается с принадлежностью к причастиям в большинстве исследований по коми языку (СКЯ 242; КПЯ 222; Бубрих 1949 : 132—133; Серебренников 1963 : 297—298; Фролова (Жилина) 1950 : 240—241; ВВД 114; ВСД 134—135; ПД 43—44; ИД 100—101; ССД 55; ЛЛД 90; ОФУЯ III 189). В удмуртском языке также в рамках пассивного значения выделены случаи, где словоформы с *-он (-оно)*

выражают предназначенность (дэрем вуроно сатинээ 'сатин, из которого надо сшить рубаху' — ГСУЯ 264—265), время действия (школаез быдтон аре 'в год окончания школы' — Калинина 1984 : 62). Мы исходим из положения, что *n*-овые причастия в коми языке имеют семантическую структуру из двух инвариантных (активного и пассивного) значений и не включают совпавших исторически по форме и по синтаксическому употреблению именных словосочетаний с *-ан* (вöралан кад 'время охоты' — Цыпанов 1985 : 264—270). При таком подходе выделенные значения 'предназначенность для действия', 'место' и 'время действия' не считаются причастными и здесь не рассматриваются.

С точки зрения переходности глагольных основ предполагается следующая семантическая структура:

* <i>-nV</i> <i>-ан</i>	[непереходные	—	активные значения	совр. коми	<i>tírзян ки</i>	
		основы				'дрожащая рука'	
]	переходные	—	активные значения	совр. коми	<i>босьтан ки</i>	
						основы	'берущая рука'
				—	пассивные значения	совр. коми	<i>босьтан кар- тупель</i>
							'выкапываемый картофель'

Причастия, образованные от непереходных глагольных основ, могут иметь лишь активное значение, образованные от переходных основ — как активное, так и пассивное. Эта семантическая структура, возводимая к праязыковой ситуации, претерпела в конкретных языках определенные изменения, которые можно выявить при сопоставительном рассмотрении современных коми и удмуртского языков.

Рассмотрим основные значения (залоговые характеристики) партиципов.

6.2.1. Как уже отмечалось, причастия на *-ан* в активных значениях в коми диалектах и литературном языке, продолжая употребляться довольно регулярно, находятся в отношениях синонимии с активными причастиями на *-ысь*: *Дзуртан пу нэмсö дзуртö, а няргысь морт нэмсö няргö* (КШК 193) 'Скрипучее дерево все время скрипит, а капризный человек все время капризничает'; *Ковмис тракторсö веськöдны пузласян лыаа шор сьöртö* 'Пришлось направить трактор по низинному участку долины ручья с проваливающимся, зыбучим наносным песком'; *Пузласьысь лыаыс вöлöма капкан кодь* (БВ 22) 'Проваливающийся, зыбучий песок оказался похожим на капкан'. В последнем случае автор употребляет параллельно разные синонимичные формы. Однако подобная синонимия наиболее последовательно проявляется в диалектной речи старшего поколения, например, в вымском диалекте активные значения рассматриваемых причастий употребляются чаще, чем активные причастия на *-ысь* (Фролова (Жилина) 1950 : 242; Ляшев 1975 : 162—163). Диахронно в коми литературных текстах с 1920-х по 1980-е годы наблюдается резкое сокращение употребления причастий на *-ан*, *-ана* в активных значениях, особенно у современных авторов Е. Рочева, П. Шахова, И. Торопова. Исключение составляет язык произведений Г. Федорова, Г. Юшкова, В. Безносилова. Основная причина этого, вероятно, состоит в активизации действительных причастий на *-ысь*, которые в условиях синонимии становятся главенствующими и вытесняют из употребления причастия на *-ан*, *-ана* в активном значении. В языке периодической печати эти причастия в активе встречаются почти лишь как адъективированные образования, например, *торъялана серпас* 'отличающаяся картина', *синмö шыбитчана факт* 'заметный, бросающийся в глаза факт' и

т. д. Однако еще нельзя сказать, что конкуренция окончательно исчезла: причастия на *-ан, -ана* в активном значении, особенно в художественной прозе, еще довольно часто встречаются у отдельных авторов.

В нормативной удмуртской грамматике 1962 г. «значение активного признака» лица выделено: *кыктэтй но куиньметй сменабын уж а н о адямиос* 'люди, которые должны работать во вторую и третью смену' (ГСУЯ 265). Однако в большинстве исследований по диалектам и литературному языку оно не выделяется, а фиксируются случаи с причастиями в страдательном значении. В. К. Кельмаков, например, отмечает: «Причастия на *-но (-оно)* обозначают признак предмета, над которым предстоит, необходимо или возможно совершить действие, выражаемое основой причастия: *kiž-ono busē* 'поле, которое нужно засеять', *vand-ono ru* 'дрова, которые предстоит распилить'» (1969 : 405). Подобным же образом причастия пассивного значения приводятся и в других работах по удмуртским диалектам (Бушмакин 1971 : 301; Насибуллин 1972 : 150; Загуляева 1980 : 137). Г. А. Ушаков и Л. И. Калинина основным значением причастий на *-он (-оно)* считают страдательное, например, *арано бусы* 'поле, которое нужно убрать' (Ушаков 1982 : 113—114), *яратон ныл* 'любимая девушка', *утчан мурт* 'искомый человек' (Калинина 1984 : 61—62). Однако, по нашим наблюдениям, причастия на *-он (-оно)* в активном значении все же функционируют в диалектах: *борозда л'оган пыдыйосмы но куз' с'урэс л'оган кылдизы, гыры кутон киосмы но пычал борды кыр-мис'кизы* 'Наши ноги, которым борозду бы топтать, вынуждены топтать длинную дорогу. Наши руки, которым за плуг бы держаться, за ружье схватились' (ОУР 83—84); в фольклоре: *Пёсьтоно путо мед ик пёсьтоз* 'Кушак, которому предназначено изнашиваться, пусть изнашивается' (УФ 39). Такие образования, по сообщению Л. И. Калининой, выражают не действие в настоящем времени, а будущее, потенциально необходимое действие, например, *Пёсьтоно путо мед пёсьтоз, ортчон даур мед ортчоз* 'Кушак, которому предназначено пройти, пусть пройдет' (УФ 54). Однако логико-семантическое соотношение действия и субъекта в этих примерах одинаково с активными причастиями, они имеют логический субъект в определяемом слове. Вероятно, в современном удмуртском языке причастия в активном значении исключительно редки или выступают лишь в составе адъективированных и субстантивированных образований, например, *кэн луонес пол йужыто* 'будущую сноху заставляют пол подмести'; *баба луонэз н'эвэсталы табапуг с'отэ* 'Будущая свекровь дает невесте сковородницу' (ОУР 105); *быроно уж* 'работа, имеющая конец'; *Быгатон-тэмэз номыр но өвёл* 'Невозможного нет' (УФ 17).

Можно сделать вывод о более частом употреблении причастий на *-он (-оно)* в активных значениях в древности, однако в условиях возникшей в прапермский период синонимии с активными причастиями на *-йсь* последние почти полностью вытеснили **н*-овые причастия в активных значениях.

6.2.2. Причастия в пассивном значении употребительны в обоих языках, поэтому их однозначно выделяют во всех исследованиях. Примеры: удм. *с'ас'кайэз с'оти йаратон о зшылы* 'цветочек подала любимому другу' (ОУР 217); *Ветлоно сюрес вылэ турун уг поты* 'Дорога, по которой ходят, травой не зарастет' (УФ 146); коми *тшупан керка* 'рубимый, строящийся дом', *Печора ва вывті мунёны мортён вöчöм и веськöдлан теплоходъяс* (ШП 146) 'По водам Печоры плывут сделанные и управляемые человеком теплоходы'.

Временная характеристика на основе рассматриваемых значений может быть неоднородной. У коми причастий на *-ан*, *-ана* временная характеристика или вовсе отрицается (Бубрих 1949 : 129; СКЯ 242; КПЯ 222; Stipa 1960 : 64), или они толкуются как причастия настоящего времени (Серебренников 1963 : 287; ОФУЯ 189; Ляшев 1975 : 165). Удмуртские соотносительные причастия характеризуются как participы будущего времени (ГСУЯ 265; Ушаков 1982 : 113). В. И. Алатырев считает, что «причастия на *-оно* (*-ёно*) выражают категорию долженствования (действие, которое подлежит осуществлению): *корано* 'подлежащий рубке'» (1983 : 584). Содержательная сторона, их временные характеристики, модальные оттенки могут быть различными в современных пермских языках. Что касается причастий коми языка, кроме тенденции к уменьшению в употребительности в силу грамматической синонимии активных значений с действительными причастиями на *-ысь*, наблюдается стремление употреблять их с общевременным значением, что приводит часто к адъективации причастий с *-ан*, *-ана*: *ой длана видз* 'заливной луг', *кирган гӧлӧс* 'хриплый голос', *чусалан би* 'тусклый, мерцающий огонь' и т. д.

6.3. Анализ причастий прошедшего времени показал, что в современных пермских языках, будучи наиболее употребляемыми, они отличаются большим сходством; как в коми, так и в удмуртском языке имеют два инвариантных значения — активное и пассивное.

6.3.1. Примеры: коми *чужӧм кага* 'родившийся ребенок'; *йизьӧм пуяс* 'обледеневшие деревья'; *Став попъяс юсьӧм-лэдзчысьӧм йӧз* (ДН 105) 'Все попы спившиеся-опустившиеся люди'; удм. *дышэт-кэм мурт* — *с'инмо мурт* 'грамотный (ученый) человек — зрячий (с глазами) человек' (ОУР 271); *Чигэм бордизэ удит ни* 'Сломанную палку уже не соединишь' (ОУР 271); *Лысэм курэг кадъ* 'Как облезлая курица' (УФ 236); *Йыродем тури* 'Заблудившийся журавль' (УФ 233). Интересно замечание Д. В. Бубриха о коми причастиях прошедшего времени: «Предмету, который характеризуется, никогда не приписывается подлинная активность: он мыслится, если не как пассивно подвергающийся действию, то как безвольный участник действенной ситуации» (1949 : 131). Как показал материал коми языка, это замечание в общем верно, так как лишь в 20% собранных примеров на употребление в активном значении логический субъект (определяемое слово) обозначает одушевленное существо. Но и в этих примерах в большинстве случаев действие не инспирировано волевыми усилиями субъекта, а преподносится как случившееся независимо от него, как результат, например, *кулӧм мӧс* 'умершая корова', *кольмӧм морт* 'угоревший человек', *гажмӧм йӧз* 'захмелевшие люди' и т. д. Наблюдаются определенные параллели семантики причастий на *-ӧм*, *-ӧма* с семантикой II прошедшего времени: выражение результата действия, а не его непосредственного процессуального проявления.

Общеизвестно, что II прошедшее время в пермских языках развилось на основе употребления причастий прошедшего времени в функции именного сказуемого, как считается, сравнительно поздно в результате параллельного развития (Майтинская 1979 : 47). Однако ни в одном исследовании не показано, на основе какого значения причастий произошла подобная трансформация. Между тем семантическая реконструкция предполагает однозначную трактовку: переосмысление возможно лишь на основе причастий в активных значениях. Путь переосмысления можно представить следующим образом:

1) атрибутивное употребление	2) предикативное употребление	3) финитная форма
<i>мун ём морт</i> действие субъект 'ушедший человек'	→ <i>мортис мун ём</i> субъект действие 'человек ушедший'	→ <i>мортис мун ём</i> субъект действие 'человек ушел'

Логико-семантическая структура причастий в пассивном значении не допускает подобного переосмысления. В целом вопрос соотношения причастий прошедшего времени в активных значениях и форм II прошедшего времени, а также и вопросы исторического развития и современного состояния форм II прошедшего времени в пермских языках подробно еще не освещены, что хорошо показал Р. Бейкер (Baker 1983 : 70).

6.3.2. Причастия прошедшего времени в пассивном значении передают законченное действие, направленное на объект, выраженный определяемым причастием словом, например, коми *Найё Сыктыв ю кузя петісны лыаясён кай ма ал ём Эжва ю выл ё* (ДП 5) 'Они по реке Сыктыв вышли на окаймленную плесами реку Эжва'; *мыська л ём джодж* 'вымытый пол'; *дон ё д ём из* 'раскаленный камень'; удм. *Мэмийэлэс кыэм чалмазэ чырты котырам мон бин'у* 'Мамой сотканное полотенце вокруг шен обмотала' (ОУР 278); *Думем пуны лек луэ* 'Привязанная собака злой бывает'. По результатам подсчетов в коми литературных текстах, количественно причастия в пассивном значении употребляются реже, чем в активном.

Все представленные причастные формы настоящего и прошедшего времени различаются в коми и удмуртском языках способом образования отрицательных форм, на что уже указывалось.

6.4. Вопрос об истории образований с суффиксами коми *-мён* и удм. *-мон* представляется не таким простым, как это отражено в литературе. Удмуртский суффикс считается сложившимся из двух древних суффиксов отглагольных имен (Fokos-Fuchs 1958 : 292). Несмотря на очевидные факты сходства коми и удмуртского языкового материала, *-мён* в коми языке признан недавним образованием, состоящим исторически из суффикса отглагольных существительных *-ет* и суффикса инструменталю *-ен* (СКЯ 246; Fokos-Fuchs 1958 : 282; Серебренников 1963 : 304; ОФУЯ III 191). Однако фонетическая эволюция формантов к праперм. **-menV/-men*, единая семантическая основа и в принципе схожая синтаксическая дистрибуция образований в современных языках дают повод полагать о едином прапермском происхождении суффиксов коми *-мен*, удм. *-мон* (Цыпанов 1985 : 182—187). Можно также отметить, что вокалическое несовпадение современных формантов объясняется лабиализацией **ε* в удмуртском языке. Как указывает В. И. Лыткин, удм. *о* развился путем спорадической лабиализации из праперм. **ε*, в *tłrmimon* 'достаточно', как и общеперм. **a* перешел в *о*, например, *mjino* 'пойду', *mjnlško* 'иду' (Лыткин 1973 : 209). Таким образом, с точки зрения исторической фонетики коми *-мен* ~ *-men* и удм. *-мон* представляют собой единое образование.

Явно модальный характер значения суффикса заставляет выделить современные образования по семантическому признаку среди остальных причастий и деепричастий. Л. И. Калинина особо отмечает их семантические и функционально-дистрибутивные особенности; например, *Котымар ке но, синмаськымон нылъёс милям ожыт ой вал* 'Что ни говорите, у нас не мало было симпатичных девушек' (Калинина 1986 : 84—86). В коми языке в определительной функции образования на *-мён* также употребительны: *сійё быд рыт на кыськё пыртліс пё жась мён мича пызь* (РЯ 51) 'она каждый вечер еще откуда-

то заносила красивую муку, достаточную для одной выпечки', *оти нобйён нумён идзас* 'солома, достаточная унести в одной ноше'. Безотносительно к тому, каким образом представлены эти образования в современных языках, исторически они восходят, по нашему мнению, также к общепермскому периоду, где употреблялись как в атрибутивной, так и в обстоятельственной функциях.

7. В заключение приведем некоторые выводы исследования.

1. Причастия в системно-структурном отношении грамматикализировались в общепермский период, входя в отношения грамматической омонимии с отглагольными существительными. Многие черты грамматической омонимии имен и причастий в пермских языках сохраняются.
2. Система причастий общепермского языка была, вероятно, проще и состояла в позднепермский период из четырех самостоятельных форм, если принимать как причастие образования с суффиксом *-*теп*. Основными формами были причастия настоящего времени на *-*nV/-an* и прошедшего на *-*mV/-em*. Отрицательные формы могли складываться двойкою прибавлением суффикса *-*temV* к основе глагола или же к суффиксу причастий.
3. В протопермский период сформировались активные причастия на *-*is* на основе употребления имен деятеля в определительной позиции. В дальнейшем в пермских языках они активизировались и составили грамматическую синонимию с причастиями на *-*an* в активных значениях.
4. В условиях грамматической синонимии с активными причастиями употребление активно-пассивных партиципов на *-*an* в активных значениях сократилось. Однако в современных языках они продуктивно используются в пассивном значении, а в удмуртском преимущественно в пассивном значении.
5. Причастия прошедшего времени на *-*em* претерпели наименьшие изменения в отдельных языках и являются наиболее частотными формами в системах причастий. В коми языке наблюдается учащение причастий прошедшего времени на -*ём*, -*ёма*.

Сокращения

БВ — В. Безносиков, *Кöні менам шудöй*, Сыктывкар 1985; **ВВД** — В. А. Сорвачева, М. А. Сахарова, Е. С. Гуляев, Верхневычегодский диалект коми языка (Историко-филологический сборник, вып. 10), Сыктывкар 1966; **ВСД** — Т. И. Жилина, Верхнесыольский диалект коми языка, Москва 1975; **ГСУЯ** — Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология, Ижевск 1962; **ДН** — Н. Дьяконов, *Пьесаяс*, Сыктывкар 1980; **ДП** — П. Доронин, *Парма сёлöмын*, Сыктывкар 1968; **ИД** — М. А. Сахарова, Н. Н. Сельков, *Ижемский диалект коми языка*, Сыктывкар 1976; **КН** — Н. Куратова, *Бобöнянь көр*, Сыктывкар 1983; **КПЯ** — Коми-пермяцкий язык, *Кудымкар* 1962; **КПРС** — Р. М. Баталова, А. С. Кривошекова-Гантман, *Коми-пермячко-русский словарь*, Москва 1985; **КРС** — Д. А. Тимушев, Н. А. Колегова, *Коми-русский словарь*, Москва 1961; **КШК** — *Коми шусьöгъяс да кыйвöзъяс*, Сыктывкар 1983; **ЛЛД** — Т. И. Жилина, *Лузско-летский диалект коми языка*, Москва 1985; **ОУР** — В. К. Кельмаков, *Образцы удмуртской речи. Северное наречие и срединные говоры*, Ижевск 1981; **ОФУЯ I** — *Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков*, Москва 1974; **ОФУЯ III** — *Основы финно-угорского языкознания (Марийский, пермские и угорские языки)*, Москва 1976; **ПД** — М. А. Сахарова, Н. Н. Сельков, *Печорский диалект коми языка*, Сыктывкар 1976; **ПСД** — Т. И. Жилина, Г. Г. Бараксанов, *Присыктывкарский диалект и коми литературный язык*, Москва 1971; **РЯ** — Я. Рочев, *Изъва гызьö*, Сыктывкар 1984; **СКЯ** — *Современный коми язык I. Фонетика, лексика, морфология*, Сыктывкар 1955; **ССД** — Н. А. Колегова, Г. Г. Бараксанов, *Среднесыольский диалект коми языка*, Москва 1980; **УФ** — *Удмуртский фольклор: пословицы, афоризмы, поговорки, Устинов 1987*; **ШП** — П. Шахов, *Мыйла олам*, Сыктывкар 1985; **ЮВ** — В. Юхнин, *Диньельса вöрпункт*, Сыктывкар 1983; **ЮГ** — Г. Юшков, *Куим теш*, Сыктывкар 1970; **SDW** — F. J. Wiedemann, *Syrjänisch-deutsches Wörterbuch nebst einem wotjakisch-deutschen im Anhang und einem deutschen Register*, St. Petersburg 1880.

ЛИТЕРАТУРА

- Алатырев В. И. 1983, Краткий грамматический очерк удмуртского языка. — Удмуртско-русский словарь, Москва, 561—591.
- Бирнбаум Х. 1987, Праславянский язык: Достижения и проблемы в его реконструкции, Москва.
- Бубрих Д. В. 1949, Грамматика литературного коми языка, Ленинград.
- 1955, Историческая морфология финского языка, Москва—Ленинград.
- Бушмакин С. К. 1971, Фонетические и морфологические особенности средне-восточных говоров удмуртского языка. Канд. дисс., Ижевск—Москва.
- Вийтсо Т.-Р. 1985, К реконструкции вокализма первого слога пракоми, праудмуртского и прапермского языков. — Шестой Международный конгресс финно-угроведов. Тезисы докладов, том I, Сыктывкар, 26.
- 1987, [Рец.] Е. А. Цыпанов, Морфология причастий в коми языке. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Тарту 1986. — СФУ XXIII, 232—234.
- Галкин И. С. 1964, Историческая грамматика марийского языка, ч. I. Морфология, Йошкар-Ола.
- Загуляева Б. Ш. 1980, Прикильмезские говоры удмуртского языка. Канд. дисс., Тарту.
- Калинина Л. И. 1973, К вопросу об употреблении причастий на *-(и)сь* в сочетании с глаголом *лубны*. — Вопросы удмуртского языкознания, вып. 2, Ижевск, 111—122.
- 1975, Адъективация причастий на *-(и)сь*. — Вопросы удмуртского языкознания, вып. 3, Ижевск, 58—64.
- 1984, Категориальная сущность причастий на *-(о)н*. — Вопросы грамматики удмуртского языка, Ижевск, 59—66.
- 1986, Причастия на *-мон* в удмуртском языке. — Вопросы фонетики и грамматики удмуртского языка, Устинов, 84—99.
- Кельмаков В. К. 1969, Кукморский диалект удмуртского языка. Канд. дисс., Сыктывкар.
- Керт Г. М. 1970, Отглагольные имена действия в финно-угорских языках. — Вопросы финно-угроведения, вып. 5. Лингвистика, фольклористика, этнография, археология, Йошкар-Ола, 72—77.
- 1971, Саамский язык (кильдинский диалект). Фонетика, морфология, синтаксис, Ленинград.
- Куратов И. А. 1939, Лингвистические работы, Сыктывкар.
- Ледяйкина В. А. 1980, Причастие в мордовских языках. Канд. дисс., Саранск.
- Лыткин В. И. 1952, Древнепермский язык, Москва.
- 1964, Исторический вокализм пермских языков, Москва.
- 1973, Спорадическая лабиализация гласных 2-го слога слов пермских языков. — *Commentationes fenno-ugricae in honorem Erkki Itkonen*, Helsinki, 205—210 (MSFOu 150).
- 1974, Сравнительная фонетика финно-угорских языков. — Основы финно-угорского языкознания: Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков, Москва, 108—213.
- 1975, О вокализме непервого слога финно-угорских языков. — CIFU III, 41—58.
- Ляшев В. А. 1975, Фонетико-морфологические особенности вымского диалекта коми языка. Канд. дисс., Сыктывкар.
- Майтинская К. Е. 1979, Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков, Москва.
- Мартынов В. В. 1983, Язык в пространстве и времени. К проблеме глоттогенеза славян, Москва.
- Насибуллин Р. Ш. 1972, Закамские говоры удмуртского языка. Канд. дисс., Москва.
- Серебрянников Б. А. 1963, Историческая морфология пермских языков, Москва.
- 1964, Основные линии развития падежной и глагольной систем в уральских языках, Москва.
- Степанов Ю. С. 1975, Методы и принципы современной лингвистики, Москва.
- Суханова В. С. 1967, Причастия как грамматическая категория в пермских языках. — Лингвистический сборник, вып. IV, Петрозаводск, 1967, 94—98.
- Ушаков Г. А. 1982, Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков, Ижевск.
- Федюнева Г. В. 1985, Словообразовательные суффиксы существительных в коми языке, Москва.
- Фролова (Жилина) Т. И. 1950, Именные категории верхне-вымских говоров северного диалекта коми языка. Канд. дисс., Сыктывкар.

- Хайду П. 1985, Уральские языки и народы, Москва.
- Цыпанов Е. 1984, Морфолого-семантическая характеристика причастия на *-is* в коми языке. — СФУ XX, 290—297.
- 1985, К истории суффикса *-men* в коми языке. — СФУ XXI, 182—189.
- 1985, Семантическая структура причастий на *-an*, *-ana* в коми языке. — СФУ XXI, 263—271.
- 1988, Разграничение омоморфем в коми языке, Сыктывкар (Серия препринтов КНЦ АН СССР, № 182).
- Ariste, P. 1968, A Grammar of the Votic Language, Bloomington (UAS 68).
- Baker, R. W. 1983, Komi Zyryan's second past tense. — FUF 45, 69—81.
- Bartens, R. 1984, Zur Sprache der Übersetzung des Lukas-Evangeliums von I. A. Kuratov. — FUF XLVI, 35—52.
- Budenz, J. 1884, Az ugor nyelvek összehasonlító alaktana, Budapest.
- Castrén, M. A. 1844, Elementa grammatices syrjaenae, Helsingforsiae.
- Collinder, B. 1960, Comparative Grammar of the Uralic Languages, Uppsala.
- 1965, An Introduction to the Uralic Languages, Berkeley and Los Angeles.
- Fokos-Fuchs, D. R. 1958, Die Verbaladverbien der permischen Sprachen. — ALHung. VIII, 272—342.
- Györke, J. 1935, Die Wortbildungslehre des Uralischen (Primäre Bildungssuffixe), Tartu.
- Harms, R. T. 1967, Split, Shift and Merger in the Permian Vowels. — UAJb 39, 163—198.
- Janhunen, J. 1982, On the structure of Proto-Uralic. — FUF 44, 23—42.
- Lehtisalo, T. 1936, Über die primären ururalischen ableitungssuffixe, Helsinki (MSFOu LXXII).
- Molnár, F. A. 1974, On the History of Word-Final Vowels in the Permian Languages, Szeged (Studia Uralo-Altica 5).
- 1978, Some Remarks on the History of Permian and Proto-Hungarian Final Vowels. — ALHung. 28, 45—49.
- Ravila, P. 1945, Nomen verbale suomalais-ugrilaisissa kielissä. — Vir., 148—158.
- Rätsep, H. 1954, Infiniitsed verbivormid soome-ugri keeltes, Tartu (Канд. дисс., рукоп.).
- Setälä, E. N. 1887, Zur Geschichte der Tempus- und Modusstambildung in den finnisch-ugrischen Sprachen. — JSFOu 2, 1—184.
- Stipa, G. 1960, Funktionen der Nominalformen des Verbs in den permischen Sprachen, Helsinki (MSFOu CXXI).
- Szinnyei, J. 1922, Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft, Berlin—Leipzig.
- Tauli, V. 1956, The Origin of Affixes. — FUF 32, 170—225.
- Uotila, T. E. 1933, Zur geschichte des konsonantismus in den permischen sprachen, Helsinki (MSFOu 65).
- Wichmann, Y. 1942, Syrjänischer Wortschatz nebst Hauptzügen der Formenlehre, Helsinki (LSFU 7).
- Wiedemann, F. J. 1884, Grammatik der syrjänischen Sprache mit Berücksichtigung ihrer Dialekte und des Wotjakischen, St. Petersburg.

JEVGENIJ CYPANOV (Syktyvkar)

PROTO-PERMIAN SYSTEM OF PARTICIPLES AND WAYS OF ITS DEVELOPMENT

The paper is an attempt to reconstruct the Proto-Permian system of participles by using Modern Komi and Udmurt written works as well as dialectal, folkloric and literary texts. The Proto-Permian system of participles has been reconstructed in two variants: the first can be applied to the Early Proto-Permian Period, the second to the Late Proto-Permian Period. The original system was simpler than it is in contemporary languages. During the Late Permian Period it comprised four forms: **is* — the active present participle; **-an* — the present participle with active and passive meanings; **-em* — the perfect participle with active and passive meanings; **-men* — the participle (or gerund) with the meaning of «action as measure and degree of its manifestation». The negative forms of participles may have originated in two ways, as is the case in contemporary Permian languages. Despite many similarities the participial systems of contemporary Permian languages differ considerably from one another.